

О структурно-логических характеристиках культуры аграрного производства в России первой половины XVIII века

Если попытаться дать общую характеристику агропроизводственной культуры России первой половины XVIII века, то представляется, что наиболее адекватным для этого является понятийный ряд, связанный с характеристикой социума в модальности единого, социума-общины: культура сельскохозяйственного производства рассматриваемого периода была унитарной, аддитивной, бытийной и экстраинтенциональной.

Сельское хозяйство первой половины XVIII в. было более натуральным, нежели товарным: целью крестьянского и в значительной степени владельческого, в том числе и дворцового хозяйства, было самообеспечение – обеспечение себя первичным и вторичным продуктом, т.е. пищей и одеждой. Соответственно, в данный период специализация того или иного хозяйства на производстве того или иного вида сельскохозяйственной продукции была минимальной: не только крестьянину, но в значительной мере и помещику необходимо было все (или почти все) иметь свое. Поэтому ни о каких монокультурах речь не шла: с точки зрения структурной организации, сельское хозяйство страны представляло собой не целое частей, взаимосвязанных своей различностью, а бесструктурную сплошность: набор полевых и иных культур, видов скота на севере и юге, западе и востоке различался минимально, при этом различие обуславливалось не экономическими, а географическими факторами. Да и последние не всегда играли решающую роль: несмотря на неподходящие природные условия, в Нечерноземье все равно разводили скот и сеяли культуры, неприспособленные к данному климату (гречиху, просо, ряд огородных и садовых культур), а в Черноземье, где условия для развития скотоводства были значительно лучшими, животных держали практически столько же, что и в более северных районах, а то, что здесь значительно лучше росла пшеница, вовсе не побуждало хозяев расширять ее посевы за счет сокращения посевных площадей ржи. Даже очевидно товарный характер производства того или иного вида продукции не вел к специализации хозяйства: псковские крестьяне, помимо своего знаменитого льна, выращивали и все остальные культуры, держали скот, а холмогорские крестьяне с их столь же знаменитым скотом не становились скотоводами, продолжая так же сеять рожь, как и любые другие. Скотовод оставался земледельцем, земледelec продолжал быть скотоводом: выращивали и разводили всего понемножку, вернее, по столько, сколько было необходимо для простого воспроизводства своего хозяйства.

Несколько большую товарность имели владельческие хозяйства, особенно хозяйство дворца; это естественно, ибо хозяева этих хозяйств уже были в той или иной мере носителями новой культуры – культуры социума в модальности целого. Географическая и собственно рыночная специализация, свойственная для раскиданных по разным губерниям и уездам вотчинных и дворцовых хозяйств, коррелировала с социокультурной принадлежностью их владельцев. Новые, часто завозные породы скота, интродуцируемые новые завозные культуры (в меньшей степени) – все это впервые появлялось чаще всего во владельческих хозяйствах, особенно в хозяйстве дворца: государство шло впереди общества, аккумулируя в себе социальную активность возникающего нового социума в его противоположности старому. Однако это явление имело и обратную сторону – дворцовые аграрные новации в то же время выступали продолжением старой вотчинной традиции, традиции вотчинного государства, т.е. социума в модальности единого. Новинки сада и огорода, породистые лошади, овцы, крупный рогатый скот, племенное коневодство и овцеводство, улучшенное кормление, ветеринарное обеспечение – все эти принадлежало дворцу и обслуживало государство (помещичьи хозяйства, усваивая себе кое-что из дворцовых новаций, точно так же работали на государство, ибо их обязательные службой владельцы, будь то придворные, офицеры или штатские чиновники, и составляли последнее), оставляя собственно общество – вернее, общину, с ее традиционным набором культур, пород, орудий и агротехнических приемов. Дворцово-государственный характер элементов новой агропроизводственной культуры был наследием вотчинного режима: пока даже наиболее приблизившиеся к статусу членов гражданского общества владельцы недвижимых имений, направлявшие свои административно-хозяйственные усилия на интенсификацию аграрного производства в собственных поместьях, лишь следовали за государством; владельческие же и особенно государственные крестьяне, тем более, попросту продолжали вести традиционное хозяйство общины.

Унитивизм аграрной культуры этого хозяйства особенно наглядно проявлялся в отношении ее объекта – растений и животных. Ни сортов сельскохозяйственных культур, ни пород сельскохозяйственных животных в это время просто не было (за некоторыми исключениями, о которых речь ниже). Крестьяне выращивали рожь или овес, ярицу или голозерный ячмень – но не определенные сорта зерновых или бобовых: виды были – сортов не было. Крупный рогатый скот не делился на породы мясного и молочного направления, отсутствовало деление на шерстные и мясные породы овец, шерстные, пуховые и молочные породы коз, мясные и сальные породы свиней, мясные и яичные породы птицы и т.д. В крестьянском хозяйстве любой вид скота был неспециализированным, должен был соответствовать всему разнообразию функций, т.е. давать все, что только можно – мясо, молоко, сало, шерсть, шкуру и т.д.; даже рабочий скот мало от-

личался от продуктивного – вола можно было запрячь, а можно было и съесть, не говоря уже о рабочей специализации животных: крестьянин ездил на лошади верхом, запрягал в телегу и соху. Никаких различий и разделений не было даже на этом уровне – что уже говорить о конкретных породах: были просто лошади, просто коровы, просто овцы и т.д. Если же в это время и появлялись отдельные породы – лошади-битюги, холмогорский скот, романовские овцы и др., будь то ввозные или местные, то сосредоточивались они либо в дворцовом хозяйстве (большинство породистых, а скорее, только улучшенных за счет завоза племенных производителей лошадей и овец), либо в локальных районах своего возникновения (лошади черкасской, донской, обвинской, мезенской, вятской пород, также битюги, холмогорский и черкасский скот, черкасские и романовские овцы и т.д.).

Это неразделенное единство в то же время выглядело как бесконечное разнообразие: аддитивность есть оборотная сторона унитивизма. Действительно, безграничная вариативность конкретных локальных наборов культур и видов животных, агротехнических приемов, способов и сроков проведения тех или иных производственных операций, орудий труда, кормовых рационов и т.д. поразительна – в каждом регионе, губернии, уезде, волости и даже селе были свои местные особенности агрикультуры и агротехники (и зоотехники). При этом все это разнообразие воспринималось со стороны как единообразие: отсутствовал стандарт, инвариант, общая норма, от которых только и можно было бы отличать и отличаться, и потому замечания наблюдателей о том, что все везде одинаково, никак не противоречат их же материалам, показывающим, что все везде по-разному. Противоречие есть отношение между одним и иным в пределе целого, а когда на месте этой единораздельности целого наличествует сплошность единого, то это тождество без различия предстает различием без тождества. Без стандарта невозможна нестандартность, стандарта же как раз и не было, поэтому одинаковая неодинаковость была неотъемлемой характеристикой агропроизводственной культуры с ее непрерывностью различного, аддитивным рядоположением (рядом-положением) локальных различий. Когда на дворцовых конезаводах держали по десятку разных пород одновременно, это означало не переизбыток, а недостаток различия – элементарной специализации одного завода на одной породе, другого – на другой и т.д.; обилие различий внутри одного хозяйства означало полную неотличимость его от другого, дефицит различия между ними. Имея все внутри себя, данная агропроизводственная единица оказывалась автономной, минимально связанной с другими и поэтому тождественной им (связь есть отношение, а отношение возможно лишь между разным). Была эта единица единственной или одной из сотни, это никак не сказывалось на минимуме системности в этом агломерате; связь соседних хозяйств осуществлялась только через центральное ведомство, общее им обоим и игравшее тем са-

мым роль целого последних как его частей. В дворцовом хозяйстве таким целым была Главная дворцовая канцелярия, в крупном владельческом хозяйстве – вотчинная контора, в мелком поместье функцию системного центра исполнял сам помещик; в крестьянском хозяйстве такого центра не было. Крестьянская агропроизводственная культура по способу организации обладала структурой ризомного типа, в которой не было ни доминирующего инварианта, не отличающихся от него вариаций; это была сплошная и непрерывная сеть различий.

Эти внутрикультурные различия имели внекультурную детерминацию: все разнообразие локальных вариантов агрикультуры, агротехники и зоотехники определялось разнообразием природно-климатических условий данного района. Известно, насколько велика была (и есть) степень локальных почвенно-климатических различий даже в пределах Восточноевропейской равнины, не говоря уже о Сибири и других частях империи; соответственно, на этих лоскутно-пестрых почвах, когда состав и толщина почвенного слоя могут меняться даже в пределах одного поля, в этих постоянно-нестабильных климатических условиях, когда одновременно приходится бояться и заморозков, и засухи, и вырос весь этот агрокультурный локализм. Агропроизводственная культура отличалась своей бытийностью, самой непосредственной зависимостью от природы: если Культура и противостоит Природе, то культуре аграрного производства эта оппозиция доступна лишь в самых малых пределах. Тем более это касается крестьянского хозяйства рассматриваемого периода: ассортимент выращиваемых культур и разводимых видов скота, количество голов последнего и размеры посевных площадей, сроки и технология производственных операций, специфика инвентаря – все это и многое другое определялось не столько социокультурными, сколько естественно-природными факторами. Крестьянин вспахал бы лучше, но для этого нужно время; он запряг бы несколько лошадей в плуг, но этих лошадей нужно кормить, а у него не хватает сена, ибо сенокос мал или неурожаен, да и долго косить тоже нет времени; крестьянин посадил бы пшеницу – но здесь и рожь не всегда дает сам-3. Продолжительность зимы, количество осадков, сумма температур, состав почвы – все это никак не зависит от культуры аграрного производства, зато последняя максимально определяется этим.

Бытийность агропроизводственной культуры сказывалась не только в ее непосредственной и очевидной зависимости от природы (собственно, культура здесь лишь поддерживает и оформляет естественную генеративность: растения растит земля, животное производят на свет родители, а человек лишь пытается регулировать и употреблять результаты этих мало зависящих от него процессов в свою пользу). Само социально-культурное использование природных объектов и закономерностей определяется здесь природно-биологическими факторами: величина посева и количество головок в крестьянском хозяйстве выступают коррелятом количества чле-

нов семьи – сколько человек в доме, столько и скота в хлеву, и если скот помещается в доме, то это не от того, что во дворе много животных, а от того, что в семье мало людей. Производитель здесь использует те же силы, которые произвели его самого, и кто здесь субъект, а кто объект в этой взаимосвязи производства и произведения – еще вопрос.

Традиционное аграрное производство максимально практично и минимально теоретично: бытие здесь явно доминирует над сущим, и утилитаризм, подчеркнутая целесообразность крестьянской агрокультуры являются нам картину неизменного превосходства потребностей жизни над возможностями мысли. Даже во владельческих хозяйствах этого времени рационализация производства делала только первые шаги; агрономическая наука пребывала в младенчестве, и речь шла не о том, как изменить обычай, а о том, как его лучше использовать. Не теория определяла практику, а обычная практика предоставляла эмпирический опыт для первых теоретических обобщений. Конечно, обычай, традиция, жизненная норма сами собой выражают ситуацию, когда при минимуме сущего и максимуме бытия генеральной интенцией развития является максимизация первого и минимизация второго: крестьянин и даже, до некоторой степени, помещик так держались обычая и традиции не из-за избытка, а из-за недостатка последних перед лицом безграничного разнообразия и изменчивости жизненно-природных условий. В этом море различия и изменения традиция была единственным маяком, позволявшим хоть как-то ориентироваться в возможностях и потребностях аграрного производства, и достаточно часто возникающие между обычаем и реальностью противоречия решались отнюдь не в пользу последней (сенокос начинался не тогда, когда трава созреет, а в день определенного церковного праздника, то же сев и др.; особенно часто такие ситуации возникали у переселенцев). Но даже в таком конфликте обычая с природой в противоречие вступали не столько Культура и Природа (сущее и бытие), сколько вторичная бытийность с первичной, социальная обусловленность – с природной, при том, что первая была сама производной от последней.

Наконец, сельскохозяйственная культура данного периода отличалась своим экстраинтенционализмом, направленностью вовне. Эта направленность вовне, а не вовнутрь, единственно возможная для единого, пронизывает собой всю систему экстенсивного земледелия, развитие которого идет не вовнутрь, а вширь. Не говоря уже о подсеке и перелогe, само традиционное трехполье, когда из-за недостатка удобрений и распыления сохой пахотного горизонта в сельскохозяйственный оборот постоянно вводились новые земли (и выводились старые, отработанные), дает прекрасную иллюстрацию того, что мы называем экстраинтенциональностью. То же самое можно сказать и о скотоводстве, развитие которого означало не столько улучшение кормовой базы и породного состава, сколько простое увеличение поголовья; даже в самой интенсифицированной животновод-

ческой практике того времени, в дворцовом коневодстве, экстраинтенциональность сохраняла свои позиции – чего стоит один тот факт, что экстерьеру верховых и упряжных лошадей отдавалось безоговорочное предпочтение перед их рабочими свойствами (вместо силы, резвости, выносливости ценили рост и некую общую элегантность, и именно в этом направлении и вели племенную работу).

Таким образом, культура аграрного производства в России первой половины XVIII в. по своим структурно-логическим характеристикам являла пример культуры общества в модальности единого, будучи изоморфной в этом отношении как другим культурным сферам, так и собственно социальным институтам.